

ПРОЛОГ

25 июля, 18 часов 24 минуты

Миссионерское поселение

Бразильская Амазония

Падре Гарсия Луис Батиста усердно воевал с сорняками на церковном огороде, когда из джунглей, пошатываясь, вышел незнакомец. Из одежды на нем была только пара затащенных джинсов. Полуголый и босой, человек упал на колени между гряд прорастающей маниоки. На его побуревшей от загара коже виднелась татуировка в голубых и алых тонах. Приняв незнакомца за одного из местных индейцев-яномамо, падре Батиста сдвинул на затылок широкополую соломенную шляпу и поприветствовал его на языке аборигенов.

— Иоу, шори, — произнес падре. — Добро пожаловать в миссию Ваувай.

Человек поднял голову, и Гарсия сразу понял свою ошибку. Незнакомец был голубоглазым, что совсем не свойственно племенам Амазонии, и вдобавок с редкой темной порослью на подбородке.

Он был не индейцем, а белым.

— Бемвиндо, — предложил падре по-португальски, полагая, что перед ним очередной крестьянин с побережья, подавшийся в леса Амазонки в поисках лучшей доли и бесхозных угодий. — Добро пожаловать, друг мой.

Несчастный слишком долго плутал в джунглях — тощий, с торчащими ребрами и спутанными волосами, тело в порезах и ссадинах. Вокруг него с жужжанием роились полчища мух, то и дело садясь на открытые раны.

Едва незнакомец попытался заговорить, как из растрескавшихся губ по подбородку заструилась алая кровь. Мужчина пополз на коленях в сторону священника, протягивая руки в мольбе. Вместо слов у него вырывались жуткие, нечеловеческие хрипы.

Первым порывом Гарсия было оттолкнуть чужака, но он тут же вспомнил об обете, данном Всевышнему. Как добрый самаритянин, он не мог отказать заблудшему путнику и помог ему встать на ноги. Человек был до того истощен, что весил не больше ребенка. Даже сквозь рубашку падре чувствовал жар его тела, охваченного лихорадкой.

— Идемте, внутри будет не так жарко.

Гарсия повел человека к церкви — туда, где побеленная колокольня упиралась в небесную синеву. За колокольной, на расчищенной от леса земле вперемежку гнездились деревянные домики и хижины, покрытые пальмовым листом.

Миссию Вауваи основали всего пять лет назад, однако число жителей — туземцев самых разных народностей — уже перевалило за восьмой десяток. Одни дома сооружались на сваях, как принято у индейцев-апалаев, другие, целиком из пальмовых ветвей, служили жильем племенам ваиваи и тирюос. Основную часть жителей, впрочем, составляли яномамо, которые селились общинами в круглых просторных постройках.

Гарсия махнул свободной рукой, чтобы подозвать стоявшего у садовой ограды индейца-яномамо по имени Хенаове — невысокого роста, в брюках и рубашке с длинным рукавом. Индеец помогал падре в церковных делах и теперь поспешил ему навстречу.

— Помоги мне внести его в дом.

Хенаове с готовностью кивнул и подхватил незнакомца с другой стороны. Держа мужчину под руки, падре с помощником протащили бедолагу за ограду, затем вокруг церкви к дощатой пристройке у южной стены. Здесь, в доме миссионера, стоял единственный в деревне газогенератор. От него работали освещение храма, холодильник и кондиционер — также один на всю деревню. Порой Гарсия подумывал, что

его миссия обязана успехом не столько вере в Христа, сколько удивительной прохладе церковных покоев.

Едва добрались до пристройки, как Хенаове проскользнул вперед и распахнул заднюю дверь. Незнакомца втащили через столовую в дальнюю комнату. Когда-то тут размещались церковные служки, но теперь комната пустовала. Два дня назад младшие миссионеры отправились проповедовать в соседнюю деревню. Комнатка была тесной, не больше кельи, однако прохладной и укрывала от палящего солнца.

Гарсия кивнул индейцу, чтобы тот зажег светильник — электричество во вспомогательные комнаты не проводили. От яркого пламени во все стороны прыснули пауки и тараканы.

Вдвоем они подтащили человека к кровати.

— Помоги мне раздеть его. Я должен промыть и перевязать ему раны.

Хенаове кивнул и потянулся было к пуговицам на штанах незнакомца, как вдруг застыл на месте. Он судорожно охнул и отпрянул, словно увидел скорпиона.

— Вети кете? — спросил Гарсия. — Что случилось?

Глаза индейца округлились от ужаса. Он показал на голый торс белого человека и что-то затараторил по-своему.

Гарсия наморщил лоб.

— При чем здесь татуировка?

Голубые и красные цвета на коже образовывали почти правильные фигуры — круги, извилистые кривые и неровные треугольники. Посередине же змеилась алая спираль, стремящаяся к центру, точно струйка крови у водостока. В завитке спирали, чуть выше пупка, виднелся голубой отпечаток ладони.

— Шавара! — вскричал Хенаове, пятясь к выходу.

Злые духи. Гарсия повернулся к помощнику. Он-то думал, что индеец уже перерос прежние предрассудки.

— Брось, — отрезал Гарсия. — Это всего лишь краска, а не работа дьявола. Иди помоги мне.

Хенаове все еще трясся от ужаса и подходить не собирался.

Неизвестный застонал, и падре, нахмурившись, снова склонился над ним. Мужчину била крупная дрожь, взгляд остекленел от жара и лихорадки. Гарсия пощупал его лоб и едва не обжегся. Он подозвал Хенаове.

— Принеси мне хотя бы аптечку и пенициллин из холодильника.

Индеец умчался, даже не скрывая облегчения.

Гарсия вздохнул. Десять лет прожив в амазонском лесу, поневоле приобретаешь кое-какие медицинские навыки: умение накладывать шины, промывать и смазывать раны, бороться с температурой. Он даже мог провести небольшую операцию вроде наложения швов или оказать помощь в родах. Будучи главой миссии, падре Гарсия не только поддерживал веру, но и брал на себя роль советчика, вождя и доктора.

Он снял с пациента обтрепанную одежду и отложил в сторону. Хватило одного взгляда на обнаженное тело, чтобы понять, насколько сурово и беспощадно обошлись с незнакомцем джунгли. Глубокие раны кишели червями-опарышами, ногти были начисто съедены грибом, а в шраме на лодыжке угадывался старый змеиный укус.

За работой падре гадал, кем мог быть этот человек. Что с ним случилось? Была ли у него семья? На все попытки заговорить с ним мужчина отвечал тем же диким, неразборчивым бредом.

Многие из крестьян, что пытались перебраться в джунгли, рано или поздно погибали от рук воинственных индейцев, бандитов, наркокурьеров или даже в зубах лесных хищников. Но самой банальной кончиной для них была смерть от болезней. В дикой глуши дождевого леса, где неоткуда ждать медицинской помощи, простой грипп может оказаться смертельным.

Внимание доктора привлек шорох ног у порога. Хенаове вернулся с аптечкой и ведром чистой воды. Но он был не один. Рядом стоял Камала, седой низкорослый шапори — шаман племени яномамо. Хенаове, должно быть, бежал со всех ног, чтобы привести с собой этого знатока древней медицины.

— Хайя, — поприветствовал его Гарсия.

«Дедушка». Таково было типичное обращение к старейшине яномамо.

Камала, не говоря ни слова, шагнул внутрь и подошел к кровати. Он осмотрел незнакомца и прищурился, повернулся к Хенаове и жестом попросил его оставить ведро и аптечку. Затем шаман простер руки над прикованным к постели незнакомцем и принялся наговаривать. Гарсия хорошо знал многие туземные наречия, но тут он не мог различить ни слова. Закончив, Камала обратился к падре и сказал ему на отличном португальском:

— Этого набе коснулись шавара, злые духи лесных дебрей. Ночью он умрет. Ты должен сжечь тело до восхода солнца.

С этими словами Камала повернулся, чтобы уйти.

— Подожди! Скажи мне, что означает татуировка?

Камала обернулся, нахмурившись.

— Это знак племени бан-али, «ягуаров крови». Он — их собственность. Нельзя оказывать помощь «рабу ягуаров», бан-йи, иначе — смерть.

Шаман сделал оберегающий знак, подув на кончики пальцев, и удалился, уводя Хенаове с собой.

Оставшись один, Гарсия вдруг почувствовал озноб, который был вызван отнюдь не кондиционером. Он не раз слышал о бан-али, одном из самых таинственных племен-призраков джунглей. Его члены наводили ужас тем, что якобы породнились с ягуарами и могли творить невозможное.

Гарсия поцеловал распятие и отмел суеверные страхи. Вернувшись к ведру и лекарствам, он смочил губку в теплой воде и поднес ко рту пациента.

— Пей, — прошептал он.

В джунглях обезвоживание представляет наибольшую опасность для жизни. Падре сжал губку, и вода заструилась по растрескавшимся губам незнакомца. Тот принялся всасывать воду, словно младенец молоко матери, — жадно, давясь и захлебываясь. Гарсия приподнял его голову, чтобы пить было легче. Спустя несколько минут глаза незнакомца утратили горячечный блеск. Он попытался прижать к себе губку с живительной влагой, но Гарсия не позволил — обиль-

ное питье после столь сильного обезвоживания могло навредить еще больше.

— Лежите, сеньор, — твердил он больному. — Дайте мне прочистить вам раны и сделать укол.

Человек, похоже, не внял сказанному. С тяжкими стонами он порывался добраться до губки.

Когда же Гарсия за плечи уложил его на место, мужчина охнул, и падре наконец понял, почему тот не мог говорить. У него был отрезан язык.

Морщась, Гарсия приготовил шприц с ампициллином и про себя помолился о душах тех извергов, которые вытворяли такое с людьми. Лекарство оказалось просроченным, но лучшего было не достать. Он впрыснул антибиотик в ягодицу больного, а затем стал промывать и смазывать раны.

Незнакомец то бредил, то приходил в себя. Будучи в сознании, он постоянно тянулся к своим лохмотьям, будто пытался одеться и вновь отправиться в джунгли. Всякий раз Гарсия укладывал его обратно и накрывал одеялом.

Когда солнце село и в джунглях наступила ночь, Гарсия взял Библию и принялся читать молитвы об исцелении, впрочем, хорошо понимая, что чуда не будет. Шаман Камала рассудил верно: незнакомец не доживет до утра.

Часом раньше падре соборовал больного на случай, если тот окажется одним из его братьев во Христе. Во время миропомазания бедняга поежился, но так и не очнулся. Его лоб снова пылал. Антибиотики не смогли остановить распространение инфекции. Несмотря на безнадежность ситуации, Гарсия не прекращал своего сумеречного бдения — последней помощи несчастному. Но ближе к полуночи, когда лес наполнился стрекотаньем кузнечиков и кваканьем бесчисленных лягушек, падре не выдержал и уснул прямо в кресле с Библией на коленях. Через несколько часов его разбудил стон умирающего. Решив, что тот борется за последний вздох, Гарсия вскочил и уронил Библию на пол. Нагнувшись за книгой, он встретил взгляд незнакомца. Глаза его по-прежнему блестели, но жар отступил. Человек вытянул дрожащую руку и снова указал на одежду.

— Вам нельзя идти, — сказал Гарсия.

Тот на секунду закрыл глаза, покачал головой и опять показал на брюки.

Гарсия сдался. Он не мог отказать в последней просьбе, пусть даже нелепой, а поэтому подошел к кровати, взял с пола мятые джинсы и вручил умирающему. Незнакомец схватил их и принялся ощупывать шов на одной из брючин с внутренней стороны. Потом его пальцы остановились, напав на что-то под тканью. Трясущимися руками он протянул брюки Гарсия. Падре решил, будто у умирающего опять начинается бред, так как его дыхание участилось и стало еще более хриплым. Тем не менее он уступил этой бессмысленной прихоти, взял брюки и осмотрел место, которое указал незнакомец. Как ни странно, в ткани обнаружилось уплотнение — что-то было спрятано в шов. Похоже, потайной карман!

Желая разузнать, что в нем, падре достал из аптечки ножницы. Тем временем незнакомец со вздохом откинулся на подушки, несомненно довольный тем, что его послание наконец найдено.

Орудя ножницами, Гарсия разрезал шов и добрался до тайника. Там лежал бронзовый круглый жетон. Падре вытащил его и поднес к свету. На жетоне было выгравировано имя.

— Джеральд Уоллес Кларк, — прочел он вслух. Неужели так зовут незнакомца? — Это вы, сеньор?

Он поглядел на кровать.

— Господи Иисусе, — вырвалось у священника.

Лежащий на койке смотрел в потолок невидящим взглядом — бездыханный, с раскрытым ртом. Падре благословил его.

— Покойтесь с миром, сеньор Кларк.

Гарсия опять поднес к лампе жетон и перевернул его. Когда же он прочитал слова на обороте, во рту у священника пересохло от страха.

«Войска специального назначения армии Соединенных Штатов».

1 августа, 10 часов 45 минут

Штаб-квартира ЦРУ

Лэнгли, штат Виргиния

У Джорджа Филдинга раздался неожиданный звонок. Заместителя директора ЦРУ часто вызывали на всякого рода межведомственные заседания, но получить приглашение от Маршалла О'Брайена, главы Контрольного комитета по охране окружающей среды, было событием из ряда вон выходящим. КоКООС создали еще в девяносто седьмом в качестве отдела разведки, занимавшегося проблемами экологии. На памяти Филдинга отдел ни разу не требовал срочного совещания. Такие меры были предусмотрены лишь на случай угрозы национальной безопасности. Что же могло напугать Одинокого Беркута — как О'Брайена за глаза называли коллеги, — чтобы он поднял такой переполох?

Филдинг быстро прошел фойе, которое связывало старое здание управления с более современным. Новый корпус был выстроен в конце восьмидесятых и вмещал множество молодых подразделений, включая КоКООС. По пути Филдинг поглядывал на картины, украшавшие стены длинного коридора, — портреты предыдущих директоров ЦРУ со времен генерал-майора Донована. Тот возглавлял Управление стратегических служб — прототип ЦРУ эпохи Второй мировой. Когда-нибудь непосредственный босс Филдинга займет на стене свое место, и, если Джордж правильно разыграет сложившуюся комбинацию, именно ему достанется кресло директора.

С этой мыслью он вошел в новый управленческий корпус и, пройдя несколько залов, добрался до крыла с офисами КоКООСа. На входе его встретила секретарша. Поднявшись, она доложила:

— Господин заместитель, мистер О'Брайен ждет вас в своем кабинете.

Секретарша подошла к дверям красного дерева, постучала для порядка и толкнула дверь, придержав ее, пока новоприбывший не вошел.

— Спасибо.

Внутри Филдинга приветствовали рокочущим басом.

— Замдиректора Филдинг! Польщен, что прибыли лично.— Маршалл О’Брайен встал с кресла. У него были волосы с проседью и фигура Человека-Горы, перед которым даже письменный стол выглядел детской партой. Он указал на соседнее кресло.— Присядьте, пожалуйста. Я знаю, как ценно ваше время, поэтому буду краток.

«Всегда прямо к делу», — отметил про себя Филдинг. Четыре года назад поговаривали, будто Маршалла О’Брайена назначат директором ЦРУ. Собственно, до Филдинга именно он занимал пост заместителя и непременно поднялся бы в должности, если бы не имел привычки требовать от сенаторов «говорить по делу» (чем отпугнул многих из них), а также резать правду-матку в глаза. Вашингтонские политики были не готовы играть в том же стиле, потому О’Брайена и перевели сюда, на символическую должность главы Комитета по охране окружающей среды.

Быть может, этим срочным звонком старикан желает прибавить себе важности, хочет показать, что до сих пор в строю?

— Что происходит? — спросил Филдинг, усаживаясь.

О’Брайен опустил в свое кресло и открыл серую папку, лежавшую на столе. «Чье-то досье», — отметил Филдинг.

Старик прокашлялся.

— Два дня назад в наше консульство в Манаусе прибыло тело гражданина Америки. Покойного опознали по личному жетону спецназа — его прежнего места службы.

Филдинг нахмурился. Личные жетоны встречались в самых разных родах войск; их носили скорее в знак уважения традиций, нежели как средство для опознания. На службе или нет, но боец подразделения обязан угостить товарищей выпивкой, если его застукают без жетона.

— А при чем здесь мы?

— При том, что этот парень не уходил в отставку. Он был одним из моих оперативников. Агент Джеральд Кларк.

Филдинг моргнул от неожиданности. Между тем О'Брайен продолжил:

— Агента Кларка послали работать под прикрытием в составе исследовательской группы. Он должен был проверить факты нанесения ущерба окружающей среде в ходе добычи золота, а также собрать данные о судоперевозках боливийского и колумбийского кокаина в бассейне Амазонки.

Филдинг напрягся.

— Его убили?

— Нет. Шесть дней назад агент Кларк появился в миссионерском поселке — в глуши, один, полуживой от жары и лихорадки. Глава миссионеров пытался выходить его, но безрезультатно: парень скончался через несколько часов.

— Мне искренне жаль. Только разве это угрожает нашей национальной безопасности?

— Дело в том, что агент Кларк уже четыре года числится пропавшим без вести.

О'Брайен протянул распечатку газетной статьи. Филдинг взял страницу, основательно сбитый с толку.

— Четыре года?

«ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ДЖУНГЛЯХ АМАЗОНКИ

Ассошиэйтед Пресс. 20 марта, Манаус, Бразилия.

Трехмесячные поиски миллионера-промышленника доктора Карла Рэнда и его команды из тридцати ученых разных стран, включая местных проводников, окончились неудачей. Научная группа, созданная на базе Национального института онкологии Соединенных Штатов и Бразильского индейского фонда, затерялась в тропическом лесу, не оставив никаких следов.

Целью годовой экспедиции была перепись индейского населения и подсчет количества племен, обитающих в лесах Амазонии. Однако спустя три месяца после отправления из Манауса ежедневные радиоотчеты с мест стоянок неожиданно прервались. Все попытки связаться с командой оказались

напрасными. Вертолеты спасателей и наземные поисковые отряды обыскали район предполагаемого местонахождения экспедиции, но не нашли ни одного ее участника. Через две недели поступило последнее, полное отчаяния сообщение: «Пришлите подмогу... Нам не продержаться... Господи, они тут повсюду!..» Затем команда сгинула в джунглях.

Сейчас, после трех месяцев поисковых работ, привлечших внимание журналистов и спасателей всего мира, командор Фердинанд Гонсалес официально объявил участников экспедиции пропавшими без вести и, возможно, погибшими. Отряды были отозваны, поиски прекратились.

Власти пришли к заключению, что экспедиция натолкнулась на некое враждебно настроенное племя или же на секретную базу наркокурьеров. Так или иначе, все надежды спасти ученых сегодня уходят вместе с отрядами спасателей. Нельзя не отметить, что с каждым годом все больше первооткрывателей, исследователей и миссионеров пропадает в лесах Амазонии, притом пропадает навсегда».

— Боже правый...

О'Брайен взял вырезку из рук потрясенного Филдинга и продолжил:

— После исчезновения ни ученые, ни наш сотрудник не выходили на связь. Агента Кларка причислили к погибшим.

— А мы точно знаем, что это тот самый Кларк?

О'Брайен кивнул.

— Слепки зубов и отпечатки пальцев совпадают с архивными.

Филдинг покачал головой, понемногу оправляясь от потрясения.

— Все это, конечно, весьма прискорбно и неприятно, однако я по-прежнему не вижу, как это может угрожать безопасности страны.

— Верно, если бы не одно «но». — О'Брайен покопался в досье и выудил оттуда пару фотографий. — Эта была сделана незадолго до того, как он отправился на задание.

Филдинг взял карточку. На ней он увидел сильно увеличенную фигуру человека в шляпе и пляжной рубашке с джинсами — тот держал стакан коктейля и широко улыбался.

— Агент Кларк?

— Да, снимок сделал один из ученых на вечеринке по случаю отъезда.

О’Брайен передал вторую фотографию.

— А эта из морга в Манаусе, где сейчас находится тело.

Филдинг принял ее с неохотой. У него не было никакого желания смотреть на трупы, но выбирать не приходилось. Голое тело на стальной поверхности выглядело как обтянутый кожей скелет, испещренный странными символами. И все же Филдинг смог его узнать. Это был агент Кларк, хотя и с одной примечательной разницей. Филдинг взял первую карточку и сравнил.

О’Брайен, должно быть, заметил его внезапную бледность и потому пояснил:

— За два года до исчезновения агент Кларк был ранен снайпером в левую руку во время силовой разведоперации в Ираке. По пути к лагерю началась гангрена. Руку пришлось отнять у плеча, так что с военной службой для него было покончено.

— Но у тела в морге обе руки целы.

— В том-то и дело. Отпечатки пальцев второй руки совпадают со сделанными перед ранением. Такое впечатление, что агент Кларк ушел в джунгли с одной рукой, а вернулся с двумя.

— Не может быть! Что, черт возьми, с ним случилось?

Маршалл О’Брайен вперил в Филдинга знаменитый немигающий взгляд. Недаром его прозвали Одиноким Беркутом — перед ним даже заместителю директора захотелось по-заячьи юркнуть в кусты. Старикан тем временем понизил голос и произнес:

— Именно это я и собираюсь выяснить.

1

ПАНАЦЕЯ

6 августа, 10 часов 11 минут

Джунгли Амазонии

Бразилия

Анаконда все крепче стискивала девчушку-индианку, волоча ее к реке. Натан Рэнд услышал детский крик, когда возвращался в деревню яномамо после утреннего сбора лекарственных трав. Он уронил свою сумку с травами и бросился на помощь, вытаскивая из-за спины обрез-дробовик, который всегда брал с собой в джунгли.

Продравшись сквозь заросли, Натан увидел гигантскую змею и стиснутое в ее кольцах тело девочки. Анаконда — огромная, каких он прежде не видел, свыше сорока футов длиной, — полулежала на илистой отмели, влажно поблескивая черными кольцами. Должно быть, гадина притаилась у берега, когда маленькая индианка пришла сюда за водой. Змеям-гигантам вполне свойственно охотиться на самых разных зверей у водопоя — свиней-пекари, капибар, мелких оленей... Однако людей они предпочитают избегать.

Тем не менее, проработав десяток лет в джунглях в качестве этноботаника, Натан усвоил одно правило, а именно: голодному зверю все правила нипочем. Под нескончаемым зеленым шатром царил жестокий порядок, где сильный пожирал слабого.

Натан взглянул сквозь прицел и узнал девочку.

— Господи, Тама!

Так звали девятилетнюю племянницу вождя. Улыбчивое и счастливое дитя, она подарила Натану букет лесных цветов, когда он прибыл в деревню месяц назад, а потом частенько любила теревить волоски на его руках — редкость среди гладкокожих яномамо. Тама прозвала его «яко башо» — «братец обезьяна».

Закусив губу, Натан смотрел сквозь прицел. Трудно было рассчитывать на точный выстрел, пока девочка находилась в тисках смертоносного хищника.

— Чтоб тебе!

Он отшвырнул ружье и потянулся к мачете на поясе. Вытаскивая тесак, Натан ринулся вперед. Завидев его, змея заскользила прочь, увлекая девочку в темную воду. Крик маленькой пленницы оборвался, осталась лишь цепочка пузырей.

Не раздумывая, Натан кинулся в воду.

Из всех жизненных сред Амазонии ни одна не сравнится в опасности с водоемом. Его обманчиво мирная гладь таит бесчисленные угрозы. В толще роятся острозубые пираньи, в иле копошатся скаты, корни и коряги облюбовали электрические угри. Но всего хуже истинные человекоубийцы — черные кайманы, гигантские родичи крокодилов. Поэтому, что ни случись, амазонский индеец хорошенько подумает, прежде чем лезть в незнакомую реку.

Натан Рэнд не был индейцем. Глотнув воздуха, он шарил в мутной воде, пока не увидел впереди маленькую бледную руку среди плотной массы темных колец. Мощный толчок ногами, и он дотянулся до нее, крепко стиснув в ладони. Пальчики судорожно схватили его. Значит, Тама все еще жива!

Подтянувшись по ее руке, Нат добрался до змеи. Он снова вытащил мачете и попытался удержаться на месте, по-прежнему вцепившись в Таму.

Внезапно его закружило в мутном водовороте, и Натан очутился нос к носу с огромной гадиной, уставясь прямо в ее

красные глаза. Та почуяла добычу покрупнее — гигантская пасть разверзлась и ринулась прямо на него. Нат увернулся, стараясь не упустить ребенка. Змеиные челюсти сомкнулись на его руке, словно капкан. Укус анаконды не ядовит, однако давление грозило раздробить запястье. Преодолевая боль и страх, Натан вытянул свободную руку с мачете и нацелился твари в глаза.

В эту секунду змея извернулась, швырнула Ната на скользкое дно и подмяла под себя. Натан почувствовал, как четырехсотфутовый чешуйчатый пресс выдавливает из него последний воздух. Он бился изо всех сил, но тщетно — вязкий ил не давал ни малейшей опоры.

В мельтешении колец пальцы девочки выскользнули из его руки, и он опять потерял ее из виду.

— Нет... Тама!

Нат отпустил мачете и обеими руками уперся в чешуйчатый узел. Он всей спиной завяз в мерзком речном иле и все же продолжал толкать. Однако за каждым сдвинутым кольцом оказывалось новое, силы Ната иссякали, а легкие страдали от удушья. В этот миг Натан Рэнд понял, что пропал. Впрочем, мысль о конце не застала его врасплох — он уже давно с ней свыкся. Проклятье рода однажды должно было стать его судьбой. Двадцать лет прошло с тех пор, как джунгли отняли его родителей. Ему было одиннадцать, когда мать умерла от неизвестной болезни в одной из захудалых миссионерских лечебниц. За ней последовал отец — четыре года назад исчез в лесу, сгинул без следа.

К Нату вдруг вернулась боль и горечь тех времен, и душа его неожиданно взбунтовалась. Проклят или нет, он не пойдет по отцовской дорожке, не даст джунглям сожрать себя без остатка! А главное — не оставит им Таму!

С последним яростным криком Нат выдернул ноги из змеиных силков. Миг свободы — и он подогнул колени, оттолкнулся, уйдя по щиколотку в ил, а затем взмыл на поверхность. Снаружи он едва успел вдохнуть, как снова нырнул с головой

в темноту — анаконда по-прежнему тянула его за руку. Но в этот раз Нат не собирался действовать силой. Он согнул локоть и ухитрился прижать змеиную морду к груди, образуя двуручный захват. Крепко держа тварь за голову, он начал давить ей на глаз. Змеюга забилась от боли, мгновенно выбросив Ната из воды, чтобы тотчас же с силой швырнуть обратно. Нат не поддавался.

— Пусти, тварь!

Он вывернул руку с повисшей на ней змеей, намереваясь придавить и второй глаз. Когда это удалось, оставалось лишь молиться, не разжимая пальцев, чтобы его скудные знания физиологии рептилий оправдали себя. Теоретически сжатие глазных яблок змеи приводило к раздражению зрительного нерва, тем самым включая у нее рвотный рефлекс.

Стук сердца раздавался у Ната в ушах, а он давил, давил и давил.

Внезапно тяжесть на запястье исчезла, и Ната неожиданно взметнуло вверх, да так, что он наполовину вылетел из воды и ударился плечом о берег.

Обернувшись, он увидел на поверхности бледную фигурку, плывущую вниз лицом по стремнине.

Там!

Расчет оказался верным — висцеральный рефлекс анаконды освободил их обоих. Натан кинулся в воду и, схватив малышку за руку, подтянул к себе, неподвижную и обмякшую. Он взвалил Таму на плечо и быстро выбрался на берег, где уложил ее вымокшее тельце. Губы девочки посинели, она не дышала. Нат нащупал пульс, очень слабый и прерывистый. Он озирался вокруг, надеясь найти хоть кого-нибудь, но напрасно. Теперь жизнь Тамы зависела от него одного. Перед высадкой в джунглях их готовили к оказанию первой помощи, да только до врача ему было далеко. Он попросту перекатил девочку на живот и, стоя на коленях, стал давить ей на спину. Вскоре изо рта и носа Тамы хлынула вода. Нат ободрился, перевернул ее обратно и начал делать искусственное дыхание.

В этот самый момент на опушке появилась одна из местных жительниц, средних лет женщина-яномамо. Как все здешние индианки, ростом она была не выше полутора метров, с непременными остриженными кругом черными волосами и украшениями из перьев и кусочков бамбука в ушах.

При виде белого мужчины, склонившегося над маленькой девочкой, ее карие глаза округлились от ужаса.

Нату не составило труда угадать ее мысли, поэтому он тут же вскочил на ноги. Внезапно Тама пришла в себя, начала с кашлем отхаркивать воду, трястись и испуганно плакать. Она пыталась бить кулачками своего спасителя, еще не оправившись от недавнего кошмара.

— Все хорошо, не бойся, — сказал Нат на языке яномамо, стараясь удержать ее руки.

Он обратился к женщине в надежде объяснить, что случилось, но та только выронила корзину и метнулась в прибрежные заросли, вереща что-то тревожное. Натан узнал клич, извещавший о нападении на жителя деревни.

— Здорово. Лучше не придумаешь.

Он со вздохом зажмурился.

Четыре недели назад, когда Нат только прибыл в деревню в надежде перенять медицинский опыт старика-шамана, местный вождь наказал ему держаться подальше от женщин. В прошлом некоторые пришельцы, бывало, злоупотребляли их гостеприимством. Натан соблюдал это требование, хотя кое-какие местные жительницы были совсем даже не прочь разделить с ним гамак. В таком обособленном племени его высокий рост, голубые глаза и русые волосы считались большой диковиной.

Где-то вдалеке затухающий горестный зов индианки подхватывали снова и снова. В буквальном переводе «яномамо» означает «свирепый народ». Воины племени, по слухам, не ведали пощады. Молодые индейцы, хойа, частенько выискивали поводы для поножовщины, обвиняя соседей или соплеменников во всевозможных оскорблениях и поруганиях че-

сти. Случалось, одно неосторожное слово стоило жизни целой деревне.

Нат перевел взгляд на девочку. Что ждет его, когда хойа решат, что белый мерзавец напал на ребенка, племянницу вождя? Тама понемногу утихла, погрузившись в беспокойную дрему. Дышала она ровно, но лоб был слегка горячим, начинался жар. На правом боку девочки Нат заметил темную ссадину и нащупал два сломанных ребра — след сокрушительных объятий анаконды. Он сидел на корточках, кусая губы. Таме срочно требовалась помощь врача, от этого зависела ее жизнь.

Натан согнулся и осторожно взял девочку на руки. Ближайшая больница была в десятке миль вниз по реке, в местечке с названием Сан-Габриель. Стало быть, он поплывет туда.

Оставалась только одна проблема — яномамо. Так просто ему теперь не уйти, да вдобавок с ребенком. Здешняя земля принадлежала индейцам, и он не мог сравниться с ними в умении ориентироваться в джунглях, даже при хорошем знании окрестностей. В Амазонии ходит пословица: «На боэзи инги сабе ала сани» — «В своем лесу индеец знает обо всем». А яномамо были еще и ловкими охотниками, свободно владеющими луком, духовым ружьем, копьем и дубиной.

Надежды на побег не оставалось. Неподалеку от берега Натан подобрал застрявший в кустах дробовик и повесил его на плечо. Приподняв девочку выше, Нат направился в сторону деревни. Ради своего с Тамой спасения ему придется заставить их выслушать.

В деревне, которую он целый месяц считал своим домом, наступила гробовая тишина. Нату вдруг сделалось не по себе. Смолк даже птичий гомон и привычное уханье обезьян.

Затаив дыхание, он вышел за поворот и увидел перед собой шеренгу индейцев, преградившую ему путь со стрелами и копьями на изготовку. Даже не услышав, а спиной ощутив какое-то движение сзади, он оглянулся и увидел точно такой же отряд. Лица индейцев были раскрашены алым.

Видя, что иного выхода нет, Нат отважился на последний, отчаянный шаг.

— Набруши йи йи! — выкрикнул он. — Пусть поединок рассудит!

6 августа, 11 часов 38 минут

Окрестности Сан-Габриель-да-Качозейра

Мануэль Азеведо знал, что его преследуют, — пока он бежал по тропе, с опушки донесся низкий всхрап ягуара. Путь от вершины горы Священного Пути был неблизким, Манни вымок до нитки и сильно устал. Впереди, в лиственном проеме открывался вид на Сан-Габриель. Городок располагался у излучины Риу-Негру, северного притока полноводной реки Амазонки.

Еще чуть-чуть... Уже совсем рядом...

Манни остановился, чтобы посмотреть туда, откуда пришел. Он дожидался знаков приближения ягуара: треска сломанной ветки, шороха листьев... Однако ни один мало-мальски различимый звук не выдавал расположения хищника. Даже его охотничий храп оборвался. Зверь понял, что загнал жертву до изнеможения, и теперь собрался для решающего прыжка.

Манни почесал голову. Ничего, кроме стрекотанья кузнечиков и щебета птиц вдалеке. Струйка пота сбежала по его шее. Он напрягся, целиком обратившись в слух. Пальцы одной руки машинально поползли к ножнам на поясе, другая сжала рукоять небольшого кнута.

Манни обыскал взглядом пеструю лесную подстилку. По обе стороны тропы высились глухие заросли лиан и лиственных кустарников. Откуда же ждать нападения?

Вдруг тени дрогнули.

Он резко обернулся и припал к земле, пытаясь смотреть сквозь густую листву... Пусто.

Чуть дальше по тропе к нему скользнул сгусток тени, переливаясь оранжево-черной рябью пятнистого меха. Он замер всего в трех метрах от человека, у самой земли, подобрав

под себя лапы. Это был молодой самец ягуара, возрастом около двух лет.

Почувяв, что его заметили, зверь принялся хлестать по сторонам хвостом, шурша опавшими листьями.

Манни пригнулся, готовясь отразить нападение.

С утробным рыком, обнажив клыки, гигантский кот распрямился в прыжке. Манни едва охнул, когда ягуар сбил его с ног, точно летящий валун. Сцепившись, они покатались вниз по тропе. Из худощавого Манни чуть было не вышибло дух. Все кругом превратилось для него в чехарду пятен зелени, света, мельтешение лап и зубов. Когти зверя впивались сквозь ткань, сорванный карман повис на нитке. Зубы сомкнулись у Манни на плече, но отчего-то не поцарапали кожу, хотя челюсти ягуара считаются вторыми по мощности среди прочих хищников суши.

Прокатившись так несколько метров, они остановились у подножия спуска, где проходила тропа. Манни очутился на земле, подмятый ягуаром. Он заглянул в горящие глаза противника, а тот все рычал и порывался жевать рубашку.

— Доволен, Тор-Тор? — выдохнул Манни.

Он сам дал ему это имя — «Призрак» на языке араваков. Правда, сейчас, кряхтя под тяжестью ягуаровой туши, он начал сомневаться в удачности выбора клички.

При звуках хозяйского голоса ягуар оставил рубашку в покое и встретился с ним взглядом. Мгновение — и шершавый язык начал слизывать пот со лба Манни.

— И я тебя люблю. А теперь давай слезай с меня.

Когти втянулись, и Манни наконец-то смог сесть. Он проверил одежду и тяжело вздохнул. Учебная охота ягуара-подростка грозила уничтожить весь его гардероб.

Манни, ворча, поднялся и тут же заработал удар сзади. В свои тридцать два ему становилось тяжело играть в эти игры.

Большой кот встал на лапы и потянулся. Затем, дернув хвостом, начал принюхиваться. Манни усмехнулся и почесал его за ухом.

— На сегодня охота закончена. Уже поздно, а мне еще просматривать кучу заявлений в конторе.

Тор-Тор недовольно заурчал, но все-таки пошел следом.

Два года назад Манни приютил осиротевшего детеныша ягуара, когда тому было всего несколько дней от роду. Браконьеры застрелили его мать ради шкуры — сокровища, за которое и сейчас можно выручить круглую сумму на черном рынке. Согласно современным подсчетам, популяция ягуаров насчитывает до пятнадцати тысяч животных, рассеянных по обширным лесам Амазонии. Охранные мероприятия не убедили местных жителей, которые кое-как сводят концы с концами, прекратить истребление в целях наживы. Там, где дело касается спасения природы, голод — опасный советчик.

Манни все это отлично понимал. Сам наполовину индеец, он вырос на улицах Барселлоса, что у берегов Амазонки, перебиваясь подачками туристов с проплывающих судов и воровством, когда река пустела. По счастливой случайности он попал к слезским миссионерам, которые помогли ему выбиться в люди — получить степень биолога в университете Сан-Паулу; там его стипендию оплачивала Бразильская индейская ассоциация — ФУНАИ. Чтобы оправдать спонсорские затраты, Манни стал работать с местными индейскими племенами — защищать их интересы, способствовать сохранению жизненного уклада, вместе отстаивать права на землю. Так вышло, что к тридцати годам он осел здесь, в Сан-Габриеле, возглавляя местное отделение ФУНАИ.

Во время расследования браконьерских вылазок на территорию яномамо Манни нашел Тор-Тора — сироту, как и он сам. Его задняя лапа оказалась перебита ударом ноги браконьера. Манни не смог пройти мимо живого комочка. Поэтому завернул пищавшего, сопротивляющегося детеныша в одеяло и мало-помалу выходил.

Тор-Тор шагал впереди. Даже сейчас было заметно, как он прихрамывает на поврежденную ногу. Пройдет меньше года, и он станет зрелым самцом. Очень скоро звериная натура проявит себя и наступит пора отпустить его на свободу. Но

сначала ягуар должен научиться заботиться о себе, ведь в джунглях нет места непосвященному.

Бегущая впереди тропа огибала последний из лесистых склонов горы Священного Пути. Сан-Габриель лежал перед ними нагромождением убогих лачуг и скучных панельных конструкций, сбегающих к Риу-Негру. Из общей панорамы выделялось несколько современных отелей и зданий, построенных за последние пять лет в связи с возросшим потоком туристов. Где-то поодаль пролегал новый коммерческий аэродром, словно большой черный шрам на зеленой поверхности джунглей. Казалось, даже в дикой глуши прогресс не замирает ни на минуту.

Манни протер взмокший лоб и, сделав шаг, столкнулся с Тор-Тором — тот почему-то остановился. Ягуар угрожающе зарычал.

В чем дело?

И тут Манни услышал. Под пологом леса множились отзвуки какого-то глухого, размеренного рокота. Казалось, они доносятся отовсюду. Манни прищурил глаза. Он узнал этот шум, хотя в джунглях его слышали нечасто. Вертолет! Посетители Сан-Габриеля добирались большей частью по воде или на маленьких бипланах. Вертолеты не предназначались для таких расстояний. Даже в бразильской армии здесь числился всего один, главным образом для спасательных и эвакуационных работ.

Вслушиваясь в нарастающий шум, Манни понял, что вертолет летит не в одиночку. Он запрокинул голову, но так ничего и не увидел.

Внезапно Тор-Тор сжался в комок и метнулся в ближайšie кусты. Вверху пронеслась группа из трех вертолетов, огибая вершину горы Священного Пути и кружа над поселком, будто гигантские осы. Осы в защитной раскраске.

Громоздкие вертушки типа «УН Хьюи», без сомнения, принадлежали военным. Вытянув шею, Манни увидел четвертую, промелькнувшую точно над ним. В отличие от товаров, она

была глянцево-черной. «Оса» зависла над джунглями, и даже Манни, с его небольшими познаниями в боевой авиации, узнал ее характерную форму и встроенный хвостовой винт. То был «РАН 66 Команч», вертолет разведки. Его стройный корпус пронесся почти над самыми ветвями, так что Манни сумел различить крошечный флаг США на борту. Лесной полог над головой сотряслся от сильного вихря. Обезьяны улепетывали, визжа от испуга, а поперек синего неба ярким всполохом пронеслась стайка попугаев ара.

Затем и этот вертолет скрылся. Он унесся к открытым полям, обрамляющим бразильскую базу, и закружил над ней, чтобы присоединиться к остальным.

Нахмурившись, Манни свистнул Тор-Тору. Тот с опаской покинул укрытие, озираясь по сторонам.

— Все в порядке, — заверил его хозяин.

Где-то вдалеке вертолеты приземлились на поле, и рокот утих.

Манни подошел к ягуару и оперся о его спину. Тор-Тор вздрогнул, и тревога зверя передалась хозяину. Спускаясь по склону, Манни сжимал рукоять хлыста, висящего у ремня.

Что, черт побери, принесло американских вояк к ним, в Сан-Габриель?

Натан стоял в одном исподнем посреди деревенской площади. Его окружала шабано, круглая постройка в половину футбольного поля, крыша которой была разобрана посередине, открывая внутреннее пространство небу. Женщины и старики расположились в гамаках под навесом из банановых листьев, тогда как хойа, молодые парни, держали Натана в кольце из стрел и копий, чтобы тот не попытался бежать.

Чуть раньше, когда его препроводили в лагерь, понукая со всех сторон копьями, он пытался рассказать об анаконде, в подтверждение показывая след укуса на запястье, но его никто не слушал. Даже сельский вождь, которому Нат передал ребенка, отмел его слова, словно навет.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Действие первое. ЗАДАНИЕ	19
1. Панацея	21
2. Ориентировка	50
3. Доктор и ведьма	69
Действие второе. ПОД ПОЛОГОМ	79
4. Вауваи	81
5. Стволовые клетки	106
6. Амазонский фактор	117
7. Сбор данных	138
Действие третье. ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР	151
8. Деревня	153
9. Ночное нападение	182
10. Побег	210
11. Налет	243
Действие четвертое. ЯГУАРЫ КРОВИ	277
12. Переправа	279
13. Тени	310
14. Поселение	341
15. Заботы о здоровье	369

СОДЕРЖАНИЕ

Действие пятое. КОРНИ	409
16. Измена	411
17. Лекарство	445
18. Последний час	473
19. Полночная битва	491
20. Восемь месяцев спустя	503
ЭПИЛОГ	507
БЛАГОДАРНОСТИ	508